

Соль земли Русской

Феномен русской интеллигенции

Предисловие

Я у зеркала стояла, может, час, а, может, два,
Так что шея загудела, заболела голова.
Вижу четко, вижу ясно - ну, какой же тут секрет!
Ведь такого не бывает: ж...па - есть, а слова - нет

Детская песенка

Вот уже более века в России не утихают споры о том, когда и как возникла русская интеллигенция и главное, что же подразумевается под этим понятием и кого следует относить к этой категории народонаселения. Не менее жестокие споры вызывает и обсуждение роли интеллигенции в бурных событиях второй половины XIX и всего XX веков.

Первыми новое явление почувствовали великие русские писатели Иван Тургенев («Отцы и дети», 1862 г.) и Федор Достоевский («Идиот», 1868, «Бесы», 1872 г.). Но сам термин тогда еще не был использован. На приоритет в его употреблении претендовал писатель Петр Боборыкин. Благодаря его плодovitости и художественному таланту в 60-х – 70-х годах XIX века этот термин постепенно совершил дрейф от древнеримского понимания в смысле духовной силы к современному представлению о совокупности носителей этой самой силы. В дальнейшем, большой вклад в раскрытие образа интеллигента внес Антон Чехов. В советское время среди писателей наиболее ярким певцом русской интеллигенции был Даниил Гранин.

Начиная с 70-ых годов XIX века феномен русской интеллигенции был обнаружен публицистами, историками и философами и начались попытки

его осмысления. Первым, в 1868 году рубрикой «Письма о русской интеллигенции» в журнале «Современное обозрение» дискуссию открыл народник Николай Михайловский. Затем к нему присоединился Николай Шелгунов, также народник. Далее интерес к этой теме только нарастал, что свидетельствовало о масштабности явления. Иван Аксаков и другие последователи «славянофилов», а также такие мыслители, как Василий Розанов и Константин Леонтьев, в своей оценке рождавшейся интеллигенции были близки к автору «Бесов». В то же время публицисты «западники», такие как Петр Лавров, Константин Кавелин, а позднее Иванов-Разумник и Михаил Туган-Барановский считали интеллигенцию «влиятельным двигателем прогресса, ... врагом рутины и застоя, искателем новой правды».

Однако после событий революции 1905 года многие из них резко поменяли мнение. В вышедшем в 1909 году сборнике «Вехи» Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Петр Струве, Семен Франк и другие мыслители высказали серьезные претензии к русской интеллигенции и дали отрицательную оценку ее роли в революционных событиях. При этом к самим себе они, по-видимому, претензий не имели.

После Октябрьской революции, едва «властители дум» сошли с трапов «философских» пароходов, споры о роли русской интеллигенции разгорелись с новой силой. Для Максима Горького, Алексея Толстого и «сменовеховцев» «русская интеллигенция... остается... единственной ломовой лошастью, запряженной в тяжкий воз истории России». В то же время видный философ и идеолог русского общевоинского союза (РОВС) Иван Ильин и, в особенности, убежденный монархист Иван Солоневич имели к интеллигенции колоссальные претензии.

В дальнейшем, в эмиграции думы о судьбах русской интеллигенции потеряли актуальность. В Советской же России какие-либо «думы», не согласованные с идеологическим отделом ЦК, на долгие годы были вообще запрещены.

В 90-е годы XX века интерес к этой теме возобновился с новой силой. Многочисленные публикации в прессе, кандидатские и докторские диссертации

росли, как грибы после дождя. Апофеозом этой своеобразной эпохи Возрождения стал съезд Конгресса русской интеллигенции, созванный с большой помпой в Москве, в декабре 1997 года.

Съезд предварялся рядом круглых столов, в которых приняли участие крупные российские мыслители того времени – ученые и писатели. Целью этих встреч была попытка систематизировать представления об интеллигенции и сформулировать само это понятие.

Но, как известно, «каждый интеллигентный человек ощущает себя единственным в своем роде произведением природы и общества». Поэтому количество мнений превзошло количество участников.

Тут упоминался и «образованный человек с обостренным чувством совестливости», и «интеллектуальная независимость», и «груз ответственности перед обществом» и «фронда по отношению к любому режиму», и «постоянная тяга к противостоянию деспотической государственной власти», и «обостренное чувство справедливости», и «высокий уровень духовности» и даже «праведничество, жертвенность и известный аскетизм». Апофеозом этих идеалистических определений стало утверждение Игоря Бестужева-Лады, что «интеллигент — это воплощение Бога на Земле», так как первым истинным интеллигентом, по его мнению, был Иисус Христос.

При этом каждый из выступавших, давая дефиниции термину интеллигенция, вероятно, руководствовался собственным примером. Хотя, как подлинный интеллигент, и не акцентировал на этом внимание.

И в вопросе о судьбах русской интеллигенции единства также не обнаружилось. Пессимисты, такие как Вадим Кожин, Гранин, Бестужев-Лада и Даниил Аль предрекали ее скорый уход из русской жизни. «Основной функцией интеллигенции является критическое противостояние власти» – утверждали они. Поэтому после «победы» демократии ни власть, ни народ в ней уже не нуждаются. Оптимисты, такие как Дмитрий Лихачев, Никита Моисеев, Борис Раушенбах и другие считали, что «интеллигенция выступает одним из важнейших гарантов жизнеспособности общества». При этом они верили,

что «XXI век будет веком огромного подъема русской культуры» и, соответственно, расцвета интеллигенции.

Согласились, и то далеко не все, только с мнением академика Лихачева, что «интеллигенция это понятие чисто русское и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное».

Исходя из состава участников съезда, в который входили члены Правительства и Администрации Президента России, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы и прочие официальные лица, можно с уверенностью утверждать, что Конгресс интеллигенции был порожден ельцинским режимом, нуждавшимся в идеологическом обеспечении своей политики. Но интеллигенция не оправдала этих надежд, и Конгресс как политическое явление тихо сошел с общественной сцены. Сошел в полном соответствии с предсказанием того же Лихачева, утверждавшего, что «нельзя из интеллигенции делать партию, потому что как только из интеллигенции будет сделана партия, перестанут существовать интеллигенты».

Единственным реальным достижением 1-ого съезда было принятие Устава общероссийского общественного движения «Конгресс интеллигенции Российской Федерации». За время своего существования Конгресс не только не сформулировал хотя бы зачатки идеологии нового российского государства, но даже не смог выработать общепризнанного определения интеллигенции.

Но работы по самоидентификации продолжались литься рекой. Среди них наиболее фундаментальным мне представляется труд профессора СПбГУП Аркадия Соколова¹. Здесь представлены и концепция, и методология, и систематизация, и даже формулы интеллигентности – намек на переход от гуманитарных к точным наукам. Представлены типы интеллигентов и составляющие их этического самоопределения, среди которых выделяются толерантность и альтруизм. Но главное – здесь представлена непоколебимая вера русской интеллигенции в собственное величие и значимость.

¹ Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб.: Изд-во С59 СПбГУП, 2009. — 672 с. — (Новое в гуманитарных науках; Вып. 41).

Не хватает только системного подхода, в рамках которого объект исследования должен рассматриваться как целостное множество элементов в совокупности отношений и связей между ними. Поэтому интеллигенция у Соколова оказалась виртуальной группой, входящей в реально существующий интеллектуальный слой, в который помимо нее входит еще и группа интеллектуалов, также виртуальная. Объясняет он это тем, что невозможно выделить социальную группу «подлинных интеллигентов» из интеллектуального слоя. Можно назвать только отдельные личности, «идеальных интеллигентов», «символы интеллигентности».

Но социальная группа – это объективно существующая устойчивая совокупность индивидов, взаимодействующих определенным образом. Она по определению не может быть виртуальной. Иначе получается, что отдельные интеллигенты есть, а интеллигенции нет!

Данная коллизия рассмотрена в детской песенке, строки из которой вынесены в эпиграф. Правда в нашем случае ситуация обратная – слово есть, а ж...ы, то есть интеллигенции – нет. И потому все претензии к ней, как социальной группе, бессмысленны.

Поэтому если спросить: «Ребята, кто больше полувека расшатывал великую империю?» «Это не мы, это подлые интеллектуалы: циники, деспоты, нигилисты, квазигуманисты и их приспешники полуинтеллектуалы: фанатики, вандалы, хамы²! – ответят интеллигенты. – А мы гуманисты, мы за все хорошее против всего плохого! И вообще мы виртуальная группа, реально нас нет». А нас нет, как известно, и суда нет.

Концептом участника виртуальной субкультуры интеллигенции по определению Соколова является «образованный и творческий человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести и стыда, эмоциями сострадания и благоговения перед Культурой и Природой».

² Здесь перечисляются типы интеллектуалов и полуинтеллектуалов по классификации Соколова.

Нетрудно заметить, что это определение, как и большинство определенных, данных участниками рассмотренных выше круглых столов, носит ярко выраженный идеалистический характер. Описанный в них идеал творческого человека практически не достижим для простого смертного, так как вступает в противоречие с реалиями жизни. Человек же, как существо социальное, в подавляющем большинстве случаев пренебречь ими не может. Поэтому получается, что настоящий интеллигент – это практически аналог церковного Святого в светской жизни.

Возникает вопрос. Если устойчивой социальной группы интеллигенции нет, а существуют только отдельные идеальные интеллигенты, то как определить, достаточно ли тот или иной представитель интеллектного слоя «благоговеет перед Культурой и Природой и руководствуется чувствами совести и стыда»? Получается, что интеллигент – это своего рода почетное звание, которое кто-то должен присвоить. Канонизацией Святых занимается Церковь. Процесс этот долгий и сложный. Условием святости является обретение мощей, подтверждение их нетленности и фиксация исходящих от них чудес. Процедура же канонизации Интеллигентов до сих пор не определена. Неясно также и кто должен этим заниматься. Была надежда, что этим займется специальная комиссия Конгресса Русской интеллигенции. Но Конгресс благополучно умер, а вместе с ним умерла и надежда.

Могут сказать: «Ну что ты пристал со своей канонизацией? Каждый истинный интеллигент носит интеллигентность в своем сердце и ни в какой идентификации не нуждается». Но на самом деле вопрос этот далеко не праздный. Возможность идентификации интеллигентов напрямую связана с возможностью выполнения ими важнейших функций, возложенных на них Историей (или отдельными историками?), что и показано в следующей главе.

Как мы видим, представление об интеллигенции чрезвычайно запутаны. Попробуем все же с этим разобраться. Но вначале необходимо развенчать миф о древности, наднациональности и надконфессиональности интеллигенции.